ніе штаба кавказской арміи, опубликованное 4-го декабря, упоминаетъ о появленіи на ванскомъ направленіи частей багдадскаго турецкаго корпуса и новыхъ формированій. На слѣдующій день сообщеніе штаба говорило о дальнѣйшемъ усиленіи турокъ въ ванскомъ направленіи, а затѣмъ появились сообщенія о бояхъ въ этомъ направленіи, не вполнѣ законченныхъ и до настоящаго времени. Какія турецкія части подошли на другихъ направленіяхъ, неизвѣстно, но ихъ присутствіе было ощутительно. На Евфратѣ длившееся почти цѣлый мѣсяцъ затишье было нарушено боемъ 28-го ноября на фронтѣ Нурускъ—Эсмаръ—Дутахъ. Это въ сущности не одинъ фронтъ, а два фронта, пересѣкающихся у Эсмара почти подъ прямымъ угломъ. На фронтѣ Эсмаръ—Дутахъ, обращенномъ къ юго-востоку, мы разбили турокъ и отбросили ихъ за Евфратъ. Объ исходѣ боя на фронтѣ Эсмаръ—Пурускъ (Пирюскъ) свѣдѣній нѣтъ. Въ позднѣйшихъ сообщеніяхъ штаба кавказской арміи говорится уже о бояхъ у Дутаха, у Суверди и на Клычъ-гядукскомъ перевалѣ. Суверди лежитъ прямо къ сѣверу отъ Дутаха въ 8-ми верстахъ, а Клычъ-гядукъ — въ 8-ми верстахъ сѣвернѣе Суверди. Такимъ образомъ, здѣсь линія боевыхъ столкновеній постепенно перемѣщалась къ сѣверу. На эрзерумскомъ направленіи тоже долгое время царило затишье, и послѣ 13-го ноября впервые это направленіе упоминается въ сообщеніи штаба кавказской арміи только 9-го декабря, но уже подъ именемъ не эрзерумскаго, а сарыкамышскаго (Сарыкамышъ—уѣздный городъ Карсской области на дорогѣ изъ Карса въ Эрзерумъ). Двумя днями позже появилось сообщеніе объ «усиленной дѣятельности турокъ» на ольтинскомъ направленіи, а изъ вчерашняго сообщенія мы знаемъ, что бои въ этомъ направленіи развиваются. Одновременно съ тѣмъ появились извѣстія объ обстрѣлѣ нашимъ миноносцемъ селеній въ районѣ Хопы (у границъ Батумской области), занятыхъ турецкими войсками. Боевыя столкновенія въ Чорохскомъ краѣ отмѣчались впрочемъ и раньше.

Такое усиленіе активности турокъ почти по всему нашему фронту указываетъ на подходъ къ нимъ новыхъ силъ. Въ связи съ этимъ важно отмѣтить полное бездѣйствіе турокъ на всѣхъ остальныхъ фронтахъ. Въ Месопотаміи турки не только не пытаются оттѣснить англичанъ, овладѣвшихъ всѣмъ теченіемъ Шатъ-эль-Араба, но и выставили по крайней мѣрѣ часть багдадскаго корпуса противъ насъ. Наступленіе турокъ на Египетъ, о которомъ такъ много говорилось въ самомъ началѣ войны, не только не начато, но даже признаковъ подготовки его не видно. Весьма возможно, что никакого наступленія на Египетъ и не будетъ и что сирійскіе корпуса тоже выставлены или будутъ выставлены противъ насъ. Перевозка войскъ изъ Сиріи на нашу границу сопряжена, конечно, для турокъ съ большими трудностями, но кто знаетъ, когда уже начата эта перевозка. Не будетъ ничего удивительнаго, если окажется, что всѣ толки о наступленіи на Египетъ исходили въ конечномъ счетѣ отъ самихъ турокъ, чтобы прикрыть ихъ дѣйствительныя намѣренія.

Активность турокъ не даетъ впрочемъ въ большинствѣ районовъ желательныхъ для нихъ результатовъ, и турецкія офиціальныя донесенія все жалуются на плохую погоду, стѣсняющую дѣйствія турецкихъ войскъ.

А. Оглинъ.

На театрѣ военныхъ дѣйствій

(День въ пути).

Уже декабрь, а по новому стилю, принятому въ Польшѣ,—уже середина декабря. Черезъ недѣлю—первый день Рождества. Но по обѣимъ сторонамъ дороги — зеленѣющія поля. Неглубокій снѣгъ, лежавшій въ ноябрѣ, весь стаялъ, и озими блестятъ какъ изумрудныя. Надъ свѣжей зеленью нивъ — глубокое, голубое небо. Отдаленные лѣса отливаютъ лиловатымъ, словно на вѣткахъ набухаютъ почки. Навстрѣчу, въ лицо, вѣетъ мягкій, нѣжащій вѣтеръ. Воздухъ сладокъ какъ весной, какъ апрѣльскій, и хочется вдыхать его полной грудью.

Знакомая дорога и знакомые виды. Уже сколько разъ за четыре мѣсяца, такъ же откинувшись въ автомобилѣ, я нѣжилъ взоръ красотой этихъ линій,—вотъ этой чуть-чуть холмистой далью, вотъ этимъ сходящимся сводомъ вѣковой аллеи, вотъ этимъ четкимъ силуэтомъ готическаго костела. Была ранняя осень, и картина пестрѣла «багрецомъ и золотомъ»; были зимніе дни, когда поле подъ изморозью казалось бѣлымъ платомъ, а деревья въ инеѣ—серебряными; теперь, въ этомъ декабрьскомъ апрѣлѣ, и лазурь неба, и изумрудъ полей полны кроткой покорностью. Но, по-прежнему этотъ край остается «театромъ военныхъ дѣйствій»; по-прежнему здѣсь грохочутъ пушки, трещитъ ружейная пальба, люди роютъ окопы, бросаются другъ на друга «въ штыки», падаютъ раненые и лежатъ убитые; по-прежнему по этимъ равнинамъ, холмамъ и дорогамъ блуждаютъ призраки Страданія, Разрушенія, Смерти.

Германскія полчища то широкимъ потокомъ заливали западную Польшу, неся съ собой ужасъ, пожары, грабежи, гоня передъ собой мѣстное населеніе, которое бѣжало отъ врага въ паническомъ страхѣ; то, тѣснимыя нашей арміей, опять отходили назадъ, къ границѣ, какъ отливъ, обнажающій дно и оставляющій на пескѣ слѣды своего буйнаго набѣга,—медузъ, раковины, водоросли; то снова, «перестроившись», возобновляли свой натискъ. Двѣ огромныхъ арміи боролись и продолжаютъ бороться на ограниченномъ пространствѣ земли, напоминая двухъ борцовъ, схватившихся грудь съ грудью на тѣсной аренѣ. То одинъ подается, то другой; то болѣе сильный валитъ на барьеръ противника, то самъ принужденъ отступать подъ его новымъ усиліемъ; соперники какъ бы топчутся на мѣстѣ, все время готовые къ обороне и выжидая подходящій мигъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ.

А между тѣмъ многострадальный край, ставшій ареной этой борьбы, терпитъ все новыя и новыя лишенія. Окопами изрыты и изрѣзаны поля; артиллерійскимъ обстрѣломъ разрушены и сожжены города и деревни; мѣстность опустошена, жители голодаютъ, мерзнутъ, лишены крова. Постоемъ нѣмецкихъ войскъ и ихъ безпощадныя реквизиціи въ конецъ разоряютъ и крестьянъ, и горожанъ. Цѣлыя толпы людей, недавно жившихъ въ довольствѣ, теперь ютятся въ шалашахъ и землянкахъ по лѣсамъ. Нарушились, разбились всѣ формы обычной жизни; нѣтъ заработка, нельзя достать нужнѣйшихъ вещей, порвана связь съ остальнымъ міромъ. Да! Не легкая участь въ нашу эпоху стать «театромъ военныхъ дѣйствій»! Пусть помнитъ Россія, что эту участь приняла на себя безропотно Польша.

Нашъ автомобиль, миновавъ аллею, вѣтви которой, сплетаясь, образовывали сводъ надъ головой, катится по шоссе, по обѣимъ сторонамъ котораго деревья подрублены для удобства артиллерійскаго обстрѣла [1]). Искалѣченные стволы горестно поднимаютъ къ небу укороченныя вѣтки, словно руки съ отрубленными кистями. Чу! Трескъ пропеллера. Нѣмецкій аэропланъ обгоняетъ насъ на высотѣ 1,000—1,200 метровъ; летчикъ держитъ путь вдоль шоссе, озирая идущіе обозы, заготовленные окопы, занятыя позиціи. Тотчасъ начинается трескъ выстрѣловъ, щелканье ружейныхъ затворовъ. Стрѣляютъ съ позицій; стрѣляютъ и «обозные». Пули свистятъ, перелетая прямо черезъ насъ, такъ какъ мы приходимся какъ-разъ между стрѣляющими и ихъ цѣлью... Слишкомъ большой соблазнъ, «сбить» вражескій аэропланъ. Уже немало нѣмецкихъ «голубей» было подстрѣлено въ этомъ районѣ, и говорятъ, что нѣмецкіе летчики считаютъ командировку на русскій фронтъ почти-что смертнымъ приговоромъ. Однако на этотъ разъ нѣмецъ забираетъ выше и уходитъ изъ глазъ.

Увлекшись наблюденіями за стальной птицей, мы не замѣтили, что въѣхали въ деревню. Вѣрнѣе—здѣсь была деревня, притомъ большая, дворовъ въ сто. Теперь не осталось ни одного дома. Все сожжено, и только по числу почерневшихъ трубъ, окруженныхъ грудами пепла и мусора, можно подсчитать число уничтоженныхъ строеній. Въ двухъ—трехъ мѣстахъ крестьяне пригородили къ этимъ трубамъ навѣсы изъ досокъ, покрыли ихъ вѣтками, засыпали землей и живутъ въ такихъ импровизированныхъ шалашахъ, словно какіе дикари. Одного старика мы разспросили, какъ сгорѣла деревня. По его словамъ, жители при приближеніи нѣмцевъ всѣ бѣжали въ лѣсъ, а тѣ въ наказаніе и изъ мести деревню сожгли.

За деревней—опять поля,—тѣ ровныя поляны, отъ которыхъ Польша, быть-можетъ, получила свое названіе. Присмотрѣвшійся глазъ уже не обращаетъ вниманія на трупы лошадей, валяющіеся вдоль шоссе, въ канавахъ, на брошенные здѣсь же поломанные зарядные ящики, измятыя манерки, изорванныя фуражки и т. п., какъ и на окопы, которые и прорѣзаютъ поля, и тянутся параллельно дорогѣ. Окоповъ такъ много, что они кажутся необходимой подробностью любаго пейзажа; въ общемъ они образуютъ сѣть, — конечно, во много тысячъ верстъ... Нѣсколько необычнѣе и заинтересовываютъ болѣе стройныя линіи военно-полеваго телеграфа. На тонкихъ низенькихъ колышкахъ бѣгутъ его нити, иногда въ два ряда, теряясь у горизонта. Еще стройнѣе, еще воздушнѣе возносятся въ высь ажурныя башенки телеграфа безпроволочнаго, «искроваго». Словно маленькія Эйфелевы башни, но болѣе изящныя, чѣмъ типично-нѣмецкое сооруженіе въ Парижѣ, раскиданы по простору равнинъ, и лучи солнца блестятъ на ихъ стальныхъ перекладинахъ.

Наши единственные попутчики въ этой опустѣлой, покинутой населеніемъ странѣ—длинные, безконечные обозы, растягивающіеся на версты. Наши встрѣчные—разныя части войскъ, переходящія на другія позиціи. Солдаты, солдаты и солдаты, всѣхъ родовъ оружія, представители, кажется, всѣхъ губерній и всѣхъ народностей Россіи! Иногда мы останавливаемъ автомобиль, заговариваемъ съ проходящими, угощаемъ ихъ папиросами. Насъ окружаетъ шумная толпа, бодрыя, веселыя лица; быстро мѣняемся впечатлѣніями, слушаемъ разсказы о недавнихъ бояхъ и новыя складныя прибаутки о нѣмцахъ. За папиросы солдаты трогательно благодарны, такъ что становится неловко. «Курсніе! Курсніе!»,—разносится голосъ по рядамъ. Хотѣлось бы щедро одарить всѣхъ, хотя бы по коробкѣ каждаго, но вѣдь мы встрѣчаемъ десятки тысячъ человѣкъ! Офицерамъ мы предлагаемъ свѣжія газеты, захваченныя нами изъ Варшавы. Это тоже кажется дорогимъ подаркомъ здѣсь, куда газета иногда доходитъ спустя недѣлю или десять дней. Нѣкоторые такъ удивляются неожиданному дару, что упорно спрашиваютъ, сколько слѣдуетъ заплатить.

А какую живописную картину представляютъ стоянки войскъ, биваки! Въ нихъ есть что-то отъ прежней войны, исчезающей изъ жизни,—войны тѣхъ временъ, когда не было желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ, аэроплановъ. Вотъ стоятъ казаки. Ихъ маленькія, но красивыя лошади образуютъ цѣлый табунъ. Составленныя пики ярко сверкаютъ, словно копья римскихъ легіонаріевъ. Сами казаки столпились группами, въ своихъ характерныхъ шапкахъ и шароварахъ, шумятъ, смѣются. Такъ же точно стояли они, конечно, и при Наполеонѣ; такой же видъ имѣли и лагери въ древнее время... Вотъ—болѣе прозаическая картина: походныя кухни. Дымятъ десятки маленькихъ трубъ на колесахъ: люди суетятся, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, приходятъ, уходятъ. И еще веселѣе голоса, что доходятъ до насъ, когда мы пролетаемъ мимо въ автомобилѣ.

Встрѣчаются намъ, конечно, и мѣстные жители, но только около самыхъ селеній или городовъ. Зима остановила полевыя работы, дѣлъ, требующихъ поѣздокъ, нѣтъ, и всѣ предпочитаютъ оставаться у себя дома, если только сохранился этотъ домъ. Но за-то какъ красивы изрѣдка встрѣчающіяся фигуры крестьянъ и крестьянокъ бывшаго Ловичскаго княжества! Здѣсь уцѣлѣли національные костюмы, и пестрота ихъ ярко выступаетъ на фонѣ зелени или сѣрой земли. Женщины одѣты въ платья изъ матеріи съ продольными полосами оранжеваго, зеленаго и синяго цвѣта. У мужчинъ такія же шаровары. Дѣвушки закрываютъ себѣ голову ярко-краснымъ платкомъ, совсѣмъ какъ дѣвушки на Востокѣ. Что-то несовременное, дошедшее къ намъ изъ сѣдой старины есть въ этихъ фигурахъ...

Послѣ ѣзды въ нѣсколько часовъ подъѣзжаемъ къ довольно большому городку. У самой заставы толпа окружила аэропланъ: это—нѣмецкій аппаратъ, недавно захваченный нами. Онъ уже перекрашенъ, на немъ уже русскія надписи, и нашъ летчикъ испытываетъ его, катаясь въ немъ по землѣ. Всѣ кругомъ радуются единодушно; смѣхъ, шутки, остроты. Нѣмецкіе аэропланы, разбрасывающіе бомбы, достаточно всѣмъ досадили, и всѣмъ пріятно видѣть одинъ изъ нихъ въ нашихъ рукахъ. Стальная птица стремительно перебѣгаетъ поле, дѣлаетъ оборотъ и послушно возвращается на мѣсто. Ее привѣтствуютъ рукоплесканіями. Бывшій «нѣмецъ» послужитъ теперь намъ противъ своихъ прежнихъ хозяевъ.

Здѣсь же, подъ городомъ, встрѣчаемъ партію плѣнныхъ пруссаковъ. Одинъ изъ насъ, Ф., у котораго какая-то манія собирать «трофеи войны», вступаетъ съ ними въ переговоры. Ему хочется купить еще одну прусскую каску. Но нѣмецъ, къ которому онъ обратился, отвѣчаетъ съ гордостью:

— Das ist Kaiserliches Eigenthum! (Это—императорская собственность!).

Нѣтъ, еще не сговорчивы пруссаки и въ плѣну!

Въ городѣ удается пообѣдать въ маленькомъ ресторанчикѣ, наполненномъ, конечно, исключительно офицерами. Наскоро осматриваемъ и самый городъ, похожій на всѣ другіе города западной Польши въ наши дни: запертые магазины, рядъ разрушенныхъ и сгорѣвшихъ домовъ, безлюдіе на улицахъ... Потомъ ѣдемъ опять, такъ какъ сегодня намъ надо сдѣлать еще 40 верстъ, а зимніе дни коротки.

Опять мелькаютъ зеленѣющія поля и окопы, обгоняемые нами обозы, стоянки солдатъ, башенки безпроволочнаго телеграфа. Постепенно явственнѣе начинаетъ доноситься пальба, потому что мы приближаемся «къ сферѣ огня». Впрочемъ встрѣчные офицеры объясняютъ намъ, что сейчасъ ничего серьезнаго не происходитъ.

— Стрѣляемъ просто затѣмъ, чтобы нѣмцы не дремали. А то вѣдь, если мы будемъ молчать, они заснутъ.

Нѣкоторые дружески уговариваютъ насъ не ѣхать дальше.

— Снаряды залетаютъ на шоссе. Что толку? Автомобиль вамъ испортятъ.

Это сказано вовсе не въ шутку. На войнѣ отвыкли цѣнить человѣческую жизнь. Офицеру искренно кажется важнымъ предупредить насъ не о томъ, что могутъ убить или ранить кого-либо изъ насъ, но о томъ, что могутъ сломать такую цѣнную для войны вещь, какъ автомобиль... Мы однако непремѣнно хотимъ достичь поставленной себѣ цѣли; да и опасность обстрѣла, по правдѣ сказать, не очень велика, такъ какъ нѣтъ настоящаго боя.

Вечерѣетъ. Ясный день кончается роскошнымъ закатомъ. Грандіозный калейдоскопъ разсыпаетъ передъ нами свои перлы, сапфиры, рубины и яхонты. Многоцвѣтныя картины смѣняются въ небѣ. Облака отливаютъ всѣми красками: голубизна неба словно освѣщена изнутри: прямые, алые лучи образуютъ сіяніе славы. Мы опять въѣзжаемъ въ уцѣлѣвшую аллею, и за сѣтью стволовъ и вѣтвей смѣны закатныхъ пыланій кажутся еще торжественнѣе, еще чудеснѣе. Передъ этой вѣчной красотой природы на мигъ такой ничтожной представляется вся эта война, со всѣми ея перипетіями, ужасами и тревогами... Все забыто, хочется только любоваться величіемъ небесъ...

Но огни меркнутъ, превращаясь въ догорающіе угли; тускнѣютъ драгоцѣнные камни; жемчугъ тучекъ становится мутнымъ. Вскорѣ, зажегши фонари, мы катимся въ темнотѣ. Ухо слушаетъ далекую канонаду. Но въ тѣлѣ—усталость; въ душѣ—одно желаніе: скорѣе добраться до ночлега. Вотъ заблистали впереди огоньки. Это—селеніе, гдѣ есть нашъ «питательный пунктъ» и гдѣ намъ обѣщаютъ пріютъ на ночь. Автомобиль увязаетъ въ грязи, но мы торопимъ шоффера. Еще-еще одно усиліе, и мы будемъ на мѣстѣ! А завтра—на передовыя позиціи.

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 9-го декабря.

[1]) По понятнымъ причинамъ въ этой статьѣ описываемыя мѣстности нигдѣ не названы, но всѣ черты описанія строго соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Пребываніе Ихъ Величествъ въ Москвѣ.

Вчера, въ 9½ часовъ утра, Его Величество Государь Императоръ отбылъ изъ Кремлевскаго дворца въ сопровожденіи дворцоваго коменданта свиты генералъ-майора В. Н. Воейкова и дежурнаго флигель-адъютанта полк. Свѣчина въ Алексѣевское военное училище, шефомъ котораго состоитъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

Для встрѣчи Его Величества въ военное училище прибыли временно командующій войсками московскаго военнаго округа генералъ-отъ-инфантеріи А. Г. Сандецкій и главноначальствующій г. Москвы, свиты генералъ-майоръ А. А. Адріановъ.

Въ походѣ 10-го часа утра въ военное училище прибылъ Государь Императоръ. Его Величество былъ встрѣченъ у входа въ училище дежурнымъ офицеромъ, отъ котораго принялъ рапортъ, и начальникомъ училища генералъ-майоромъ И. А. Каминымъ.

Затѣмъ Государь Императоръ прошелъ въ манежъ училища, гдѣ были выстроены юнкера. Его Величество обходилъ юнкеровъ, здороваясь съ ними.

Послѣ обхода юнкеровъ Государь Императоръ обратился къ нимъ съ милостивыми словами, выражая Свое удовольствіе видѣть юнкеровъ такими молодцами и высказывая увѣренность, что и впредь они приложатъ всѣ усилія, чтобы въ самый короткій срокъ стать вѣрными, славными и бодрыми офицерами. Ротнымъ командирамъ и младшимъ офицерамъ Его Величество выразилъ Свою сердечную благодарность за отличный видъ юнкеровъ, юнкеровъ Государь Императоръ благодарилъ за караульную службу, которую они несли въ Кремлѣ. Затѣмъ Его Величество прослѣдовалъ наверхъ, въ сборную залу училища, гдѣ снялся въ группѣ со старшимъ классомъ училища. Изъ сборной залы Государь Императоръ прошелъ въ другія помѣщенія училища. Здѣсь по пути изъ сборной залы Его Величество подошелъ къ завѣдующему складомъ учебныхъ пособій Кишеневскому, занимающему свою должность болѣе 50 лѣтъ, и удостоилъ его милостивыми разспросами.

Чрезъ помѣщеніе ротъ, гдѣ одинъ юнкеръ, георгіевскій кавалеръ, рапортовалъ Его Величеству, Государь Императоръ прослѣдовалъ въ церковь училища. Встрѣченный духовенствомъ съ крестомъ и св. водой, Его Величество приложился ко кресту и прошелъ затѣмъ въ лазаретъ для больныхъ юнкеровъ, которыхъ обходилъ, милостиво съ ними бесѣдуя.

Передъ отъѣздомъ изъ училища Государь Императоръ начерталъ Свое имя въ книгѣ почетныхъ посѣтителей. Поблагодаривъ начальниковъ и офицеровъ училища, Его Величество вышелъ изъ зданія училища, гдѣ былъ встрѣченъ юнкерами, построившимися шпалерами, и при громкихъ кликахъ «ура» отбылъ въ 1-й московскій Императрицы Екатерины II кадетскій корпусъ.

Встрѣченный здѣсь дежурнымъ офицеромъ и начальникомъ корпуса генералъ-лейтенантомъ В. В. Римскимъ-Корсаковымъ, Государь Императоръ принялъ рапортъ дежурнаго офицера и прослѣдовалъ въ лазаретъ для больныхъ кадетъ, гдѣ милостиво разспрашивалъ больныхъ. Отсюда Его Величество прошелъ въ музей кадетскаго корпуса, гдѣ начерталъ свое имя въ особой книгѣ, и прослѣдовалъ затѣмъ чрезъ столовую и спальню въ церковь.

Когда Государь Императоръ вошелъ въ сборную залу, здѣсь были построены кадеты корпуса и одна рота полоцкаго кадетскаго корпуса. Обойдя кадетъ, Его Величество снялся съ ними въ одной группѣ.

Затѣмъ, выйдя на средину залы, Государь Императоръ обратился къ кадетамъ съ милостивыми словами, выражая увѣренность, что и впредь кадеты будутъ радовать Его Величество преуспѣяніемъ и успѣхами въ наукахъ.

Директоръ корпуса провозгласилъ «ура» въ честь Государя Императора и Царской Семьи, подхваченное дружно присутствующими. Затѣмъ кадеты пропѣли народный гимнъ и исполнили Екатерининскій маршъ «Громъ побѣды раздавайся».

Изъ сборной залы Его Величество прошелъ въ лазаретъ для раненыхъ, оборудованный и содержимый на средства офицеровъ, воспитанниковъ и служащихъ корпуса. Въ лазаретѣ были сестры милосердія,—члены семей офицеровъ. Государь Императоръ обходилъ раненыхъ, милостиво съ ними бесѣдуя, разспрашивалъ ихъ о здоровьѣ и сраженіяхъ, въ которыхъ они получили раны, и благодарилъ за службу.

Выйдя изъ лазарета, Государь Императоръ прошелъ пѣшкомъ въ расположенный рядомъ 2-й московскій кадетскій корпусъ имени Императора Николая I.

Здѣсь Его Величество, встрѣченный дежурнымъ офицеромъ и директоромъ корпуса генералъ-майоромъ Быстріевымъ, принявъ рапортъ, прослѣдовалъ сначала въ церковь, оттуда въ музей, гдѣ и начерталъ на особомъ листѣ Свое имя.

Изъ музея Его Величество прошелъ въ лазаретъ для кадетъ, гдѣ милостиво бесѣдовалъ съ больными, потомъ въ сборную залу. Здѣсь были выстроены воспитанники корпуса.

Поздоровавшись съ кадетами и обойдя ихъ, Государь Императоръ обратился къ нимъ съ милостивыми словами, выразивъ надежду, что и впредь они будутъ такими же молодцами, какими представились.

Затѣмъ Государь Императоръ благодарилъ ротныхъ командировъ и младшихъ офицеровъ за отмѣнный видъ кадетовъ и службу. При громкихъ кликахъ «ура» и пѣніи «Боже, Царя Храни» Его Величество отбылъ въ 3-й московскій имени Императора Александра II кадетскій корпусъ.

Встрѣченный при входѣ въ этотъ корпусъ дежурнымъ офицеромъ съ рапортомъ и начальникомъ корпуса генералъ-лейтенантомъ Лобачевскимъ, Государь Императоръ, принявъ рапортъ, прошелъ въ помѣщенія ротъ, гдѣ были построены кадеты. Обойдя 4-ю роту, Его Величество прошелъ въ помѣщеніе 3-й роты, оттуда въ помѣщеніе 2-й роты, гдѣ были построены 1-я и 2-я роты. Государь Императоръ обходилъ роты, здороваясь съ ними. Въ отвѣтъ раздавалось громкое «ура».

Изъ помѣщеній ротъ Его Величество прослѣдовалъ въ церковь корпуса, гдѣ былъ встрѣченъ священникомъ съ крестомъ и святой водой. Приложившись ко кресту, Государь Императоръ прошелъ въ лазаретъ для раненыхъ, устроенный на средства офицеровъ, служащихъ и воспитанниковъ кадетскаго корпуса.

Обходя раненыхъ, Его Величество здоровался съ ними, милостиво разспрашивалъ, благодарилъ за службу и выра-